

УДК 130.2; 141
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-966-974
EDN YVDCAL

Социально-эпистемологические механизмы легитимации войны в современном культурном пространстве

¹ Усова Г.М., ² Цуриков И.М., ² Цурикова Л.В.

¹ Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, д. 71

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85
galina.usova.1979@mail.ru, tsurikovish275@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен войны как особая форма производства и циркуляции знания в современном культурном пространстве. Опираясь на принципы социальной эпистемологии, постструктурализма и культурной философии, автор анализирует механизмы легитимации войны, действующие в медийных, институциональных и дискурсивных структурах общества. Показано, что в постмодернистскую эпоху легитимация войны утрачивает традиционные моральные и рациональные основания, трансформируясь в перформативный и симулятивный процесс, где истина определяется не соответствием реальности, а убедительностью представления. Особое внимание уделено феномену «нового военного гуманизма» и роли медиа в формировании эпистемологического согласия на насилие. В работе обоснован тезис о переходе от идеологической к эпистемологической модели власти, в которой знание становится инструментом нормализации войны. Сделан вывод, что преодоление легитимации войны возможно лишь через формирование альтернативной эпистемологии – знания как этического отношения, а не как формы контроля.

Ключевые слова: война, социальная эпистемология, легитимация, культура, постмодерн, медиа, симулякр, гуманизм, насилие, дискурс, память, этика знания

Для цитирования: Усова Г.М., Цуриков И.М., Цурикова Л.В. 2025. Социально-эпистемологические механизмы легитимации войны в современном культурном пространстве. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 50(4): 966–974. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-966-974 EDN: YVDCAL

Socio-Epistemological Mechanisms of War Legitimation in the Modern Cultural Space

¹ Galina M. Usova, ² Igor M. Tsurikov, ² Larisa V. Tsurikova

¹ I.D. Putilin Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation
² Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
galina.usova.1979@mail.ru, tsurikovish275@yandex.ru

Abstract. This article examines the phenomenon of war as a special form of knowledge production and circulation in the contemporary cultural space. Drawing on the principles of social epistemology, poststructuralism, and cultural philosophy, the authors analyze the mechanisms of war legitimization operating in the media, institutional, and discursive structures of society. It is shown that in the postmodern era, the legitimization of war is losing its traditional moral and rational foundations, transforming into a performative and simulative process, where truth is determined not by its

correspondence to reality, but by the persuasiveness of the representation. Particular attention is paid to the phenomenon of "new military humanism" and the role of media in shaping epistemological consent to violence. The paper substantiates the thesis of a transition from an ideological to an epistemological model of power, in which knowledge becomes an instrument for the normalization of war. It concludes that overcoming the legitimization of war is possible only through the development of an alternative epistemology – knowledge as an ethical attitude, not as a form of control.

Keywords: war, social epistemology, legitimization, culture, postmodernity, media, simulacrum, humanism, violence, discourse, memory, ethics of knowledge

For citation: Usova G.M., Tsurikov I.M., Tsurikova L.V. 2025. Socio-Epistemological Mechanisms of War Legitimation in the Modern Cultural Space. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 966–974 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-966-974 EDN: YVDCAL

Введение

Современная культурная ситуация характеризуется радикальной трансформацией представлений о войне и насилии. Война перестает быть исключительно политическим актом или конфликтом интересов государств и становится феноменом культуры, формой социального знания и медийной репрезентации. В условиях постиндустриального и цифрового общества границы между военным и невоенным, информацией и дезинфекцией, героизмом и преступлением оказываются размыты. Эпистемологические механизмы, обеспечивающие легитимность войны, перестают быть прозрачными и рациональными, превращаясь в сложную сеть дискурсивных и символических конструкций.

М. Фуко отмечал, что «на деле власть производит реальное, производит области объектов и ритуалов истины» [Фуко, 2021, с. 133]. Следовательно, понимание войны требует анализа ее политico-экономических причин и изучения тех форм знания, которые делают войну возможной, оправданной и даже необходимой. Современные войны (в особенности информационные и гибридные) демонстрируют, что легитимация насилия происходит через идеологию и эпистемологические практики, производство и циркуляцию «правдоподобных» знаний, образов и нарративов. Поэтому актуальность данной темы определяется необходимостью переосмыслить саму структуру знания о войне, как она создается, кому принадлежит право ее интерпретации и какие социальные институты обеспечивают ее нормативную приемлемость.

Целью исследования является философско-эпистемологический анализ механизмов легитимации войны в современном культурном пространстве. Гипотеза исследования состоит в том, что современная легитимация войны основана на эпистемологических режимах производства истины, которые формируют культурную норму восприятия насилия.

Методология

Основой исследования являются принципы социальной эпистемологии, критической теории культуры и постструктурального анализа дискурса. Исследование опирается на социально-эпистемологический подход (С. Фуллер, А. Голдман, Е. Мамчур), позволяющий рассматривать знание как социально обусловленный механизм поддержания власти и авторитета. Анализ власти и знания М. Фуко раскрывает механизм «эпистемологического насилия», когда доминирующие дискурсы создают войну как факт культуры. Культурно-философский и постмодернистский подход (Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, П. Вирилио) позволяет рассматривать войну как текст, симулякр и медиасобытие. Дискурсивный анализ (М. Бахтин, Т. ван Дейк) применяется для выявления структур языка, метафор и риторических стратегий, придающих войне смысл и культурную легитимность.

Результаты исследования

Эпистемология войны представляет собой одну из наиболее сложных и противоречивых зон современной философии культуры. Война, традиционно рассматриваемая как предельная форма социального действия, в новейшее время все чаще описывается в категориях знания, коммуникации и символического обмена. Если в классической философской традиции (Г.В.Ф. Гегель, К. Клаузевиц, А. Шопенгауэр) война мыслится как проявление диалектики духа, столкновение воли или инструмент политики, то в условиях постиндустриального общества она приобретает новые эпистемологические очертания и становится структурой знания, формой социального высказывания, инструментом смыслового производства.

Классическое определение войны, данное К. фон Клаузевицем («продолжение политики иными средствами» [Клаузевиц, 1941, с. 27]), долгое время задавало нормативную рамку ее понимания. Однако уже в XX веке философия и гуманитарное знание ставят под сомнение идею войны как рационального действия. После катастроф мировых войн возникает потребность осмысливать причины конфликтов и условия возможности самого знания о войне. Война перестает быть лишь политическим феноменом и превращается в эпистемологическую проблему, вопрос о том, кто определяет истину о войне и по каким критериям она устанавливается.

Философия второй половины XX века (от М. Хайдеггера до М. Фуко) утверждает идею, что любое знание вписано в контекст власти, а любая истина является результатом исторически сложившегося дискурсивного порядка. В этом смысле война оказывается актом применения силы и проявлением власти знания, она возможна лишь там, где определенные формы дискурса легитимируют насилие как необходимое или справедливое. Власть, как указывает М. Фуко, «достигает наибольшей эффективности через производство истины, в которую верят» [Фуко, 2021, с. 234]. Следовательно, современная война представляет собой борьбу за монополию на истину, за право определять, что есть агрессия, защита, гуманитарная миссия или терроризм.

Понятие легитимации традиционно связано с социологией власти (М. Вебер), в рамках которой оно обозначает признание обществом законности господства. Однако в контексте философии знания легитимация приобретает иное значение, как процесс когнитивного закрепления, в котором определенные формы дискурса утверждаются в качестве истинных. П. Бергер и Т. Лукман считали, что любое социальное знание есть «продукт институционализации и символического воспроизведения» [Бергер, 1995, с. 65]. Следовательно, война тоже становится объектом такого конструирования и существует постольку, поскольку существует система смыслов, норм и верований, делающих ее возможной.

В условиях информационного общества механизмы легитимации войны смещаются из сферы политической идеологии в сферу эпистемологии культуры. Средства массовой информации, цифровые технологии и визуальные медиа формируют особые режимы видимости (П. Вирилио), когда восприятие войны определяется скоростью передачи данных и визуальным эффектом. Истина о войне становится зависимой от медиапространства, и легитимация войны превращается в производство достоверности, управление границами правдоподобного.

Современная культура характеризуется состоянием «кризиса великих нарративов» (Ж.-Ф. Лиотар). В результате войны теряют прежние оправдательные основания (религиозные, идеологические, национальные). Их место занимают гибридные формы символического убеждения, в которых гуманизм и насилие сосуществуют в одном дискурсивном пространстве. Термин «новый военный гуманизм», введенный рядом западных теоретиков, обозначает именно это парадоксальное сочетание, – война представляется как акт защиты, освобождения, даже гуманитарного долга.

Подобное смещение возможно только при условии изменения эпистемологической парадигмы. Если модерн требовал рационального оправдания насилия (война как средство прогресса, как реализация национального духа), то постмодерн размывает саму возможность единой рациональности. Истина становится множественной, контекстуальной и сетевой. В этих условиях легитимация войны превращается в игру дискурсов, когда различные акторы (государство, СМИ, корпорации, международные организации) производят собственные версии истины, соревнуясь за внимание аудитории.

Ж. Бодрийяр писал, что «сама реальность войны растворяется в медиальном гиперпространстве симулякров» [Бодрийяр, 2016, с. 24]. Для массового сознания война существует лишь как поток изображений и сообщений, в котором границы между реальным и воображаемым исчезают. Эпистемологическая катастрофа, описанная французским философом, заключается в том, что истина о войне становится недостижимой, но это не мешает ей быть убедительной. Можно говорить о переходе от онтологической к эпистемологической модели войны. Если в онтологическом понимании война – это бытийственное событие, столкновение сущностей, то в эпистемологическом – это событие знания, акт коммуникации, в котором конституируется социальная реальность.

Социальная эпистемология, сформировавшаяся во второй половине XX века (С. Фуллер, А. Голдман, А.И. Ракитов, Е. Мамчур), предлагает рассматривать знание как результат коллективных когнитивных практик. Применительно к войне это означает, что способы ее восприятия и осмыслиения определяются социально закрепленными структурами знания. Знание о войне циркулирует через множество каналов: государственные институты, образовательные программы, средства массовой информации, кинематограф, цифровые платформы. Каждый из этих каналов выполняет функцию эпистемологического посредника, определяя рамки допустимого знания. Так формируется особая «эпистемологическая экология» войны, в которой границы между истиной, пропагандой и художественной интерпретацией становятся неразличимыми.

Следовательно, война предстает как эпистемологический режим, поддерживаемый культурой. Подобный подход позволяет перейти от моральной оценки к философскому анализу структур знания, не спрашивать, «почему люди воюют», а исследовать, почему они считают войну возможной и оправданной.

Современное культурное пространство не просто отражает войны, а производит их. Война становится формой социального знания, конструируемого институтами власти, медиа, науки и искусства. Каждая из этих сфер вырабатывает собственные эпистемологические механизмы, благодаря которым война получает смысл, оправдание и культурную легитимность. Механизмы действуют как структуры познания, через которые общество осмысляет и организует свою реальность.

Институциональный уровень формирования представлений о войне связан с процессами, описанными М. Фуко в концепции власти-знания. Школьные учебники, официальные хроники, дипломатические документы и военные доктрины как формы институционализированного знания определяют рамки допустимого восприятия войны. Через систему образования формируется исторический нарратив, в котором определенные войны закрепляются как «справедливые» или «освободительные», а другие – как «агрессивные» или «незаконные».

Ю. Хабермас подчеркивал, что «легитимность власти достигается в процессе коммуникативного действия, речевого акта, а не с помощью манипуляции и внешнего явного воздействия» [Хабермас, 2001, с. 246]. Однако, как показывают современные медийные конфликты, эта рациональность оказывается инструментализированной, государства и международные организации создают когнитивные схемы, в которых война становится морально оправданной в терминах защиты, безопасности или предотвращения

зла. Так формируется то, что П. Рикер называл «нarrативной идентичностью», культурное самооправдание насилия через историю [Рикер, 2008].

Следующий уровень – дискурсивный. Язык войны не является нейтральным и структурирует восприятие, определяет границы возможного опыта. Война «говорится» определенным образом, через эвфемизмы, метафоры, символы и клише. Как отмечал Р. Барт, «идеология проявляется прежде всего в языке, который называет вещи тем, чем они не являются» [Барт, 2014, с. 102]. Эвфемизация военного дискурса является одним из главных эпистемологических механизмов легитимации насилия. Термины вроде «превентивная операция», «точечный удар», «гуманитарное вмешательство» создают иллюзию рациональности и моральной правоты. В результате сам факт насилия исчезает за фасадом технических и моральных категорий. Кроме того, дискурс войны конструирует двойную модель мира: «мы – они», «свои – чужие». Указанная бинарность обеспечивает когнитивную стабильность, необходимую для коллективной мобилизации. По наблюдению Х. Арендт, подобные механизмы порождают «тотальную структуру мышления», в которой любое сомнение воспринимается как измена [Арендт, 1996]. Язык войны описывает реальность и создает онтологическую рамку, в которой насилие воспринимается как морально неизбежное.

Культурная память является еще одним фундаментальным механизмом эпистемологической легитимации. Через миф, ритуал и героический нарратив общество создает символический капитал, делающий войну частью своей идентичности. Мифологизация войны не есть искажение истины, это способ превращения насилия в смысл. К.Г. Юнг отмечал, что мифология делает все «ясным» для ее носителей, и в этом смысле можно говорить об «объяснении» [Юнг, 1997]. В этом смысле миф о войне обеспечивает когнитивную стабильность общества и превращает травму в подвиг, разрушение в созидание. Мемориалы, праздники, фильмы и учебники закрепляют этот миф, формируя «социальное бессознательное войны». П. Нора указывал, что современные общества существуют не столько во времени, сколько в пространстве памяти [Нора, 1999]. Война становится главным «местом памяти», вокруг которого конституируется национальная идентичность. В этом контексте героизация войны – это культурная традиция и форма эпистемологического управления, через героев и образы победы формируется коллективная правда, не подлежащая сомнению.

Особую роль в формировании эпистемологии войны играет медийное пространство. По наблюдению П. Вирилио, современная война – это, прежде всего, «война скорости и информации» [Вирилио, 2002, с. 62]. Цифровые технологии создают эффект «присутствия на расстоянии», аудитория наблюдает за конфликтом в реальном времени, но ее восприятие управляет ритмом и монтажом изображения.

Медиа создают режим симуляции, в котором различие между документом и постановкой, реальностью и виртуальностью становится неуловимым. Образы войны тиражируются в виде коротких видео, мемов и новостных фрагментов, теряя контекст и историческую сложность. В результате возникает то, что можно назвать эпистемологическим дефицитом, зритель знает «все обо всем», но не способен отличить истину от интерпретации.

Более того, визуальное насилие становится формой развлечения. Ж. Бодрийяр писал: «Мы больше не смотрим на войну — мы потребляем ее как образ» [Бодрийяр, 2016, с. 24]. Подобное потребление формирует эмоциональное участие без рефлексии, когда сочувствие, возмущение и страх оказываются заменены эстетической вовлеченностью. Медийная культура тем самым не просто информирует о войне, а нормализует ее присутствие в сознании. Медиатизация войны создает новую форму знания, аффективное знание, в котором эмоции подменяют аргументы, а визуальные впечатления вытесняют критическое мышление, что и есть новый тип эпистемологического контроля, не через идеологию, а через управление восприятием.

Социально-эпистемологические механизмы легитимации войны образуют сложную систему взаимосвязанных уровней: институциональный (создает нормативные рамки знания), дискурсивный (оформляет язык и метафоры войны), мифологический (обеспечивает символическую и эмоциональную устойчивость), медийный (управляет визуальным и когнитивным восприятием). Уровни не действуют изолированно, а образуют взаимопроникающую сеть, в которой каждая форма знания подтверждает другую. В результате война превращается в самовоспроизводящийся культурный текст, внутри которого истина и ложь, добро и зло, насилие и гуманизм теряют четкие границы.

Будучи информационно насыщенным, современное общество оказывается эпистемологически уязвимым; чем больше данных о войне, тем труднее увидеть войну как факт, а не как эффект знания. Отсюда и необходимость философской критики этих механизмов, направленной против тех когнитивных структур, которые делают ее возможной и приемлемой.

Постмодернистская эпоха радикально изменила формы знания и способы оправдания насилия, но вместе с утратой рационального оправдания войны не исчезает, а, напротив, приобретает новые формы легитимации, основанные на эпистемологических играх постмодернистского сознания. Меняется и сама этическая конфигурация войны. Постмодерн рождает парадоксальный дискурс, который можно обозначить как «новый военный гуманизм». В рамках этого дискурса война позиционируется как защита, акт спасения, моральный долг перед человечеством. По мнению З. Баумана, гуманизм «утратил трансцендентное измерение и превратился в технику заботы» [Бауман, 2019, с. 208]. Гуманитарные интервенции, миротворческие миссии, «умные» бомбардировки сопровождаются риторикой милосердия, безопасности и цивилизационного прогресса. Легитимация войны в этом случае достигается через обращение к гуманистическим ценностям, но эти ценности уже не являются универсальными, они локальны, инструментальны, зависят от медиального контекста. Война становится этически нейтральной, потому что добро и зло подчиняются логике управляемого изображения.

Постмодернистская легитимация войны не нуждается в длительном идеологическом производстве. Она мгновенна, модульна, основана на сетевых структурах знания. В социальных медиа, потоках информации, легитимация осуществляется в режиме «здесь и сейчас», достаточно краткого видеоролика, эмоционального поста или символического жеста, чтобы закрепить определенный смысл. Власть над смыслом становится децентрализованной, каждый участник информационного поля может быть производителем легитимации, но это не приводит к демократизации, поскольку сама структура информации предопределяет направление интерпретации. Б. Латур писал, что «сеть не освобождает, а переназначает ответственность» [Латур, 2014, с. 85]. Война в сетевом обществе становится эпистемологически рассеянной, никто не владеет истиной, но все участвуют в ее производстве.

В этом контексте исчезает само различие между знанием и верой. Эпистемология войны превращается в психоэстетику восприятия, когда правдоподобие подменяет истину, а мораль растворяется в эмоции. Постмодернистская культура, разрушившая границы между фактом и вымыслом, тем самым разрушает и границы между войной и ее образом. Война становится частью повседневной символической экономики и циркулирует в новостных лентах, играх, рекламе, кинематографе и перестает быть исключением, превращаясь в один из способов быть современным.

Выводы

Современная культура, в которой война стала неотъемлемым элементом информационного и символического обмена, демонстрирует глубокую эпистемологическую трансформацию, насилие утрачивает статус исключительного события и становится нормой восприятия. В результате легитимация войны перестает

быть чисто политическим актом и превращается в форму культурного производства истины. Подобное производство осуществляется через язык, образы, практики памяти и массовые медиа. Культура сама становится носителем и посредником эпистемологической власти, встраивая войну в систему коллективного опыта.

Одним из основных последствий является смещение границ морального суждения. В традиционных культурах война оценивалась сквозь призму добра и зла, справедливости и агрессии, чести и преступления, однако в постмодернистском культурном поле эти противоположности размываются. Война утрачивает этическую определенность и описывается через категории целесообразности, эффективности, гуманитарности.

В результате можно сделать несколько выводов. Во-первых, современная культура перестает рассматривать войну как моральную аномалию, а напротив, она интегрирует войну в пространство моральной нейтральности, в рамках которой критерии добра и зла подменяются прагматикой выживания и риторикой защиты. Подобная утрата этических ориентиров сопряжена с трансформацией самой структуры коллективной идентичности. Через войну общество конструирует собственные представления о «мы» и «они», поэтому война выступает механизмом идентификации, принадлежность к сообществу определяется участием в легитимированной памяти насилия. Культурные практики (праздники, музеи, фильмы, литература) выступают пространствами, в которых поддерживается этот нарратив. В контексте войны это означает, что культурная память становится инструментом удержания коллективного смысла, а мифологизация победы формой символического консенсуса. Следовательно, легитимация войны закрепляется в политическом и эмоционально-памятственном измерении.

Во-вторых, культурная память превращается в механизм воспроизведения легитимности насилия, поскольку общество хранит скорее форму, через которую оно оправдывает собственное прошлое, а не воспоминания о войне. Другое значимое следствие это медийная десенсибилизация. Массовое воспроизведение изображений насилия снижает эмоциональный порог восприятия. Война становится привычным визуальным фоном, элементом новостного потока, эстетическим жанром, виртуальным зреющим. Постоянное присутствие войны в медиапространстве производит эффект эмоциональной усталости и апатии. Зритель сочувствует, но не действует, переживает, но не осмысливает.

В-третьих, медийная культура создает парадоксальную форму когнитивного отчуждения, чем больше мы видим войну, тем меньше способны воспринимать ее как трагедию. Обозначенная десенсибилизация приводит к еще одному последствию – нормализации войны как повседневного феномена. В сетевой культуре границы между военным и гражданским, реальным и игровым, политическим и эстетическим становятся все более проницаемыми. Война проникает в повседневность через язык (военные метафоры в деловой и спортивной риторике), технологии (геймификация конфликта, кибервойны), визуальные привычки (новостные ленты, кино, мемы). Этим объясняется то, что современный человек живет в состоянии «военного присутствия без фронта». Война перестает быть внешним событием и становится внутренней энергией культуры, формой продуктивного напряжения. В этом смысле война является продолжением культуры другими средствами (средствами образа, кода, медиа, алгоритма).

В-четвертых, современная культура воспроизводит войну как собственный ритм и структуру, превращая насилие в форму культурного самопознания. Однако в этой тотальной медиатизации и символизации войны возникает новое философское противоречие. Общество, которое бесконечно говорит о мире, оказывается все менее способным его мыслить. Эпистемологическая легитимация войны подрывает саму возможность альтернативного знания, знания о мире как о пространстве согласия. Если истина определяется через силу изображения, а справедливость через убедительность нарратива, то дискурс мира теряет когнитивную и этическую силу. Современное

общество живет именно в этой технологии, война легитимируется не потому, что она справедлива, а потому что она убедительно представлена. Вместе с тем внутри постмодернистской фрагментации все еще возможны контр-эпистемологические практики, направленные на разрушение легитимационных механизмов. Критическая философия, искусство, документалистика, этика ненасилия способны вернуть войне ее травматическую реальность, вернуть человеку способность чувствовать и понимать страдание как чужое, а не как сюжет.

В-пятых, преодоление легитимации войны возможно только через изменение эпистемологических структур, отказ от знания как власти и возвращение к знанию как этическому отношению.

Заключая, отметим, что культурные последствия эпистемологической легитимации войны проявляются в четырех ключевых тенденциях: моральной нейтрализации насилия, превращении памяти в механизм оправдания, медийной десенсибилизации, нормализации войны как формы культурной повседневности, свидетельствующих о том, что война в постмодернистском мире перестает быть событием истории и становится эпистемологическим состоянием культуры. Война укоренена в самой логике современного познания, в котором истина измеряется интенсивностью воздействия, а не глубиной понимания. Поэтому философия, если она хочет сохранить свою гуманистическую миссию, должна быть критикой власти и критикой знания, особенно знания, способного делать насилие разумным.

Список литературы

- Арендт Х. 1996. Истоки тоталитаризма. Москва: ЦентрКом, 672 с.
- Барт Р. 2014. Мифологии; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 3-е изд. Москва: Академический проект, 351 с.
- Бауман З. 2019. Моральная слепота. Утрата чувствительности в эпоху текущей современности. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 365 с.
- Бергер П. 1995. Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. знания. Москва: Моск. филос. фонд, 322 с.
- Бодрийяр Ж. 2016. Дух терроризма; Войны в заливе не было; пер. с фр. А. Качалова. Москва: РИПОЛ классик, 222 с.
- Вирильо П. 2002. Информационная бомба: Стратегия обмана / Пер. с фр. И. Окуневой. Москва: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры», Гнозис, 190 с.
- Клаузевиц Карл фон. 1941. О войне. Москва: Воениздат, 496 с.
- Латур Б. 2014. Пересборка социального: введение в актарно-сетевую теорию; пер. с англ. И. Полонской. Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 381 с.
- Нора П. 1999. Между памятью и историей. В кн.: Проблематика мест памяти. Франция – память, с. 17–50.
- Рикер П. 2008. Я – сам как другой; пер. с французского Скуратов Б.М. Москва: Изд-во гуманитарной литературы, 419 с.
- Фуко М. 2021. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы; перевод: В. Наумов. Москва: Ад Маргинем Пресс, 383 с.
- Хабермас Ю. 2001. Между фактами и нормами. London: The MIT Press, 630 с.
- Юнг К. 1997. Душа и миф: Шесть архетипов. Москва: ЗАО «Совершенство», 382 с.

References

- Arendt H. 1996. The origins of totalitarianism. Moscow: Tsentrkom, 672 p.
- Barth, R. 2014. Mythologies; translated from French, introductory article and commentary by S. Zenkin. 3rd ed. Moscow: Academic Project, 351 p.
- Bauman Z. 2019. Moral blindness. Loss of sensitivity in the era of fluid modernity. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 365 p.
- Berger P. 1995. The social construction of reality: A Treatise on Sociology. knowledge. Moscow: Moscow. Philos. foundation, 322 p.

- Baudrillard J. 2016. The spirit of terrorism; There was no war in the Gulf; translated from French by A. Kachalov. Moscow: RIPOL classic, 222 p.
- Virillo P. 2002. Information bomb: A strategy of deception / Translated from French by I. Okuneva. Moscow: Scientific Research Foundation. "Pragmatics of Culture", Gnosis, 190 p.
- Carl von Clausewitz. 1941. About the war. Moscow: Voenizdat, 496 p.
- Latur B. 2014. Reassembling the Social: an Introduction to actor–network theory; translated from English by I. Polonskaya. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics, 381 p.
- Nora P. 1999. Between memory and history. In: The problematics of memory locations. France – Memory, pp. 17-50.
- Riker P. 2008. I am myself as another; translated from the French by Skuratov B.M. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 419 p.
- Foucault M. 2021. To supervise and punish: the Birth of prison; translated by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem Press, 383 p.
- Habermas Y. 2001. Between facts and norms. London: The MIT Press, 630 p.
- Jung, K. 1997. Soul and myth: Six archetypes. Moscow: CJSC "Perfection", 382 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.07.2025
Поступила после рецензирования 13.10.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received July 13, 2025
Revised October 13, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Усова Галина Михайловна, старший преподаватель кафедры криминалистики, Белгородский юридический институт МВД РФ имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Цуриков Игорь Максимович, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Цурикова Лариса Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina M. Usova, Senior Lecturer of the Department of Criminalistics, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Igor M. Tsurikov, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Larisa V. Tsurikova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.